

Поле битвы (Финал)

Вчера Джек принес весть о смерти матери, а сегодня все обитатели квартала дружно тронулись умом, словно по чьей-то злой воле.

Слишком вовремя. Лэнс никогда не верил в случайности, но это зрелище определенно разожгло в нем любопытство. Неужели «они» решили сделать ход?

Мысли юноши всегда отличались стремительностью и склонностью к экстравагантным прыжкам. Теперь же, зная, что в этом мире существуют дьяволы и прочая сверхъестественная чертовщина, он и вовсе дал волю воображению. Перед глазами всплыли сюжеты из фильмов и аниме его прошлой жизни.

Классика жанра: таинственный кукловод плетет паутину из фальшивых грез, пытаясь заманить жертву в ловушку сладкого забвения. Лэнс впервые оказался внутри подобного «магического сценария», и это вызывало у него едва ли не детский восторг.

Будь на его месте прежний Лэнс Кавендиш, план, скорее всего, увенчался бы успехом. Но Линь Уцзю не знал Кавендиша-младшего — того самого «хрупкого, угрюмого и нелюдимого ребенка», о котором твердили соседи и покойная Мэри. Вероятно, тот мальчик отчаянно нуждался в любви.

Лэнсу же на «любовь» было плевать.

Любовь — это кандалы. Узы, связывающие по рукам и ногам. Проклятие, которое заставляет подчиняться. Мама, даже покинув этот мир, умудрилась привязать его к себе этой самой «любовью», лишив истинной свободы. И пусть он сам шел на это добровольно, в этом мире лишь ей одной было позволено удерживать его подобным образом.

Если таинственный сценарист рассчитывал на иное, его ждало сокрушительное фиаско.

Заметив, что юноша с азартом прибавляет шаг, направляясь напрямиком в эпицентр безумия, Джек изумленно окликнул его:

— Ты что задумал? Разве мы не уходим?

— Домой, — Лэнс легко перепрыгнул через лужу, лукаво сощурившись. — Люди так старались, готовили декорации... Будет верхом невоспитанности не заглянуть на огонек.

Джек лишь обреченно вздохнул. Будь дьявол человеком, он непременно процитировал бы

поговорку о любопытной кошке, которой не поздоровилось. Но он не был человеком, а потому лишь ворчал под нос: «Сам ищи свою смерть, и не надейся, что я брошусь тебя спасать», — хотя при этом покорно следовал за своим подопечным по пятам.

Едва показалась ограда дома, Лэнс замедлил ход. Джек высунулся из-за его плеча:

— Чего встал?..

Перед ними развернулась поистине фантазмагоричная картина.

Под заунывным осенним дождем у ворот замерло несколько экипажей, вокруг которых теснились люди. Насквозь промокшие, с прилипшими к черепам волосами и в тяжелых от влаги сюртуках, они стояли прямо в грязи, игнорируя близость карет, где можно было укрыться.

Впрочем, один человек под зонтом всё же нашелся.

Черный кучер держал тяжелый кожаный купол над серебряно-волосым джентльменом. Тот стоял неподвижно, напоминая мраморное изваяние: мертвенно-бледная кожа, резкие черты лица, безупречный двубортный фрак. Он не улыбался и не двигался, точно сошел с полотна кисти старого мастера.

Лэнс почувствовал, как взгляды соседей, наблюдающих из окон, стали еще более пристальными. Неуютное чувство.

В тот миг, когда черноволосый юноша увидел Саймона, тот увидел его в ответ.

«Странный ребенок»

Такова была первая мысль Саймона.

Мальчик был худ — нездорово, почти пугающе. Тонкое запястье, сжимающее рукоять зонта, казалось настолько хрупким, что мужчина невольно задался вопросом: а кормят ли этого ребенка вообще?

Затем он всмотрелся в лицо. Редкие черные волосы, глаза цвета безлунной ночи, в которых таилось нечто иррациональное, и эта пугающая, болезненная бледность. На губах незнакомца играла едва заметная, двусмысленная улыбка.

Черноволосый мальчик с черным зонтом, неспешно идущий по залитой дождем улице... Саймону это напомнило герб семьи Кэмпбелл — ворона. Но если Саймон был серебряным «вороном» лишь по прихоти судьбы, то этот ребенок казался самой сутью этой птицы.

«Мальчик-ворон» подошел ближе и остановился прямо перед ним. Он задрал голову, вперив в Саймона взгляд своих бездонных глаз, в которых не отражалось ни капли света.

— Что вам нужно?

— ...Что? — Саймон замялся, сбитый с толку.

Рецензенты, дрожащие от холода под дождем, тоже уставились на таинственного подростка с явным недоумением.

Мальчик-ворон мазнул взглядом по номеру дома на калитке.

— Вы стоите у моей двери. Разве вы пришли не ко мне?

Обычно бесстрастное лицо Саймона исказилось от изумления:

— ...Вы и есть Лэнс Кавендиш?!

В толпе издателей пронесся вздох потрясения.

Мистер Джонс перед уходом по личным делам успел кое-что рассказать им о своем жильце. В его описании Лэнс Кавендиш представал замкнутым, но приличным молодым человеком, который после смерти матери влачит жалкое существование. Именно благодаря «бескорыстной заботе» соседей несчастный сирота нашел в себе силы взяться за перо.

В воображении присутствующих автор был серьезным, молчаливым мужчиной, возможно, разорившимся джентльменом с хорошим образованием.

Никто не ожидал увидеть... ребенка.

Ему на вид нельзя было дать больше двенадцати лет! Сколько же ему на самом деле? Он хоть среднюю школу окончил? Могло ли зрелое, пропитанное горьким знанием жизни произведение вроде «Мести Джека» выйти из-под пера этого дитя? Это противоречило здравому смыслу.

«Он ли это на самом деле?»

Иден, решив, что разгадал загадку, тут же расплылся в подобострастной улыбке:

— Ты ведь сын мистера Кавендиша, верно? Я — рецензент издательства «Гори». Скажи, мальчик, когда твой отец вернется домой?

Лэнс на мгновение опешил.

Рецензент из «Гори»?

Ого. Значит, он ошибся? Эти люди не из «Общества Черепа», не из «Розы Бездны» и даже не из инквизиции?

Лэнс быстро пересчитал присутствующих — двадцать три человека.

— Вы что... приволокли сюда все свои редакции в полном составе? — в его голосе прозвучало искреннее недоумение.

— Неужели «Гори» настолько близки к банкротству? — юноша склонил голову набок, бормоча под нос. Неужели они вцепились в его рукопись как в последний шанс на спасение?

Джек виновато потер нос и незаметно отступил на шаг назад.

— Конечно же нет! — Иден неловко рассмеялся, поражаясь ходу мыслей ребенка, но тут же поспешил представиться: — Это мои коллеги из других издательств... Но я был первым, кто примчался засвидетельствовать почтение твоему отцу!

Он бросил на черноволосого мальчика многозначительный взгляд, картинно откинув со лба мокрую прядь волос — мол, оцени, парень, мою преданность делу, я торчу тут под ливнем ради вас.

Саймон всё ещё сохранял молчание, и Иден злорадно подумал, что тот слишком заносчив. Явился за рукописью, а ведет себя как лорд, даже зонт сам не держит. Сразу видно — души в человеке нет!

— И что с того, что ты пришел первым? — подал голос другой мужчина. — «Гори» — это третьесортная контора!

Иден с ненавистью обернулся. Рецензент из издательства «Грин», небрежно отирая капли дождя с лица, нацепил свою самую высокомерную маску:

— У издательства «Грин» вековая история и колоссальный опыт. Если ваш батюшка хочет, чтобы его книга стала хитом, мы — единственный достойный выбор.

Тут же вмешался третий:

— Ха-ха! Дитя, не слушай их. Только «Гай» способен продать десятки тысяч экземпляров книги

твоего отца. У нас контракты с крупнейшими оптовиками! Ты слышал о мистере Кроу Фелтоне? Он — самый известный книготорговец в империи, и он наш главный клиент.

Эту браваду пресек конкурент, знающий подноготную:

— Я слышал, у Фелтона нынче проблемы с наличностью, вряд ли он потянет большой тираж. Зато у нас, в «Гленне», эксклюзивное соглашение с железнодорожными книжными лавками по всей стране. Стоит твоему отцу подписать контракт, и его имя прогремит повсюду. Вот, возьми мою визитку. — Он услужливо протянул мальчику карточку.

В толпе поднялся ропот. Рецензенты, кусая локти от досады, принялись лихорадочно совать Лэнсу свои визитки.

В одно мгновение карманы юноши наполнились разномастным картоном. Он с ироничной полуулыбкой взглянул на Джека, который сжался и старался казаться как можно незаметнее.

«Позже я устрою тебе допрос с пристрастием»

Обещал Лэнс своим взглядом дьяволу.

Встретившись с выжидающими взорами толпы, юноша задумчиво усмехнулся. Он даже не взглянул на визитки, ловко проскользнул сквозь тесное кольцо людей и остановился перед серебряноволосым мужчиной, который всё это время хранил ледяное молчание.

— А вы из какого дома? — лениво поинтересовался юноша.

— Издательство «Глория», — лаконично ответил Саймон. Помедлив секунду, он добавил: — Меня зовут Саймон.

— Очень приятно, Саймон. — Мальчик-ворон, удерживая зонт одной рукой, свободной достал ключи и открыл калитку. Затем, словно между прочим, он сбросил на толпу информационную бомбу: — Я и есть Лэнс Кавендиш. Прошу внутрь, нам нужно поговорить.

Издателей словно громом поразило.

Как? Не сын? Он сам? Ребенок? Дитя?! Боже правый, это же бред, мистификация!

Даже Саймон на миг утратил самообладание. Еще секунду назад он был уверен, что перед ним наследник автора. В конце концов, мальчик выглядел совсем юным. Но теперь в обмане не было смысла.

Изумрудные глаза серебряного мужчины вспыхнули. Холодное стекло его зрачков на мгновение ожило, превратившись в бескрайние, сочные весенние поля.

Его душу захлестнула давно забытая волна азарта.

Гений!

Без сомнения, перед ним был истинный, неоспоримый гений. Самородки встречаются редко, но юные гении — это дар небес. Даже Саймон в возрасте Лэнса не смог бы написать ничего столь же глубокого и отточенного.

Он так молод! Впереди у него целая вечность, чтобы творить, растрчивать талант и слагать легенды.

Саймону хотелось называть его именно «Мальчиком-вороном». Вороны — умнейшие из птиц, и это сравнение подходило Лэнсу как нельзя лучше.

Однако вскоре Саймон нахмурился. Тень беспокойства легла на его лицо. Следуя за юношей, он с тревогой рассматривал его чрезмерно хрупкую, почти прозрачную фигуру.

Он выглядел болезненным. Дурной знак.

Писатели — порода одновременно стальная и хрупкая. А гении — тем паче. Они способны прозревать самые темные бездны человеческой души в своих книгах, но порой совершенно слепы к обыденному злу реальности.

Их враги — мелкие душонки, гиены в человеческом облике, — вечно рыщут по следам таланта, выжидая момент для прыжка. Гениев так легко обмануть, обобрать до нитки, предать или выбросить за ненадобностью... Огромные гонорары тают в руках, сменяясь долгами, а в нищете приходят болезни.

Персонажи их романов могут обладать волей из титана, но сами творцы зачастую угасают на больничных койках, не успев раскрыться в полную силу. И читатели никогда не узнают, что в мозгу этого безвестного покойника когда-то рождались целые галактики.

Это потеря для мира. Потеря для Литературы.

Саймон наконец вспомнил, где слышал имя Лэнса Кавендиша — в газетных заголовках последних дней. Сын сектантки, арест, допросы, а затем — бесславное освобождение и травля со стороны газетчиков и кредиторов.

Всегда одно и то же.

Чудовище по имени Реальность вечно преследует таланты, пытаясь переломить хрупкое перо и лишить их последнего крова. Это не испытание богов. Это их проклятие. Словно небожители завидуют этому редкому дару и спешат оборвать жизнь молодых избранников.

Собравшиеся наконец обрели дар речи. Как и Саймон, они мгновенно осознали масштаб открывшихся перспектив. Если в таком возрасте он пишет как маститый автор, то через десять лет его имя встанет в один ряд с величайшими классиками!

— Мистер Кавендиш! — вскричал Иден, бросаясь следом за парой в сад. — Пойдите! Нам нужно обсудить условия!

За ним хлынула остальная толпа. Два десятка человек мгновенно заполнили крошечный садик. Несчастные азалии, и без того чахлые, окончательно пали под натиском сапог. Сад был обречен.

Гости загалдели наперебой, расхваливая свои конторы и поливая грязью конкурентов:

— Издательство «Гай» — это залог вашего успеха!

— «Глория» существует без году неделя, у Саймона нет опыта!

— «Грин» заплатит вам золотом!

— «Гори» даст вам абсолютную свободу творчества!

Рецензенты пустили в ход всё свое красноречие, извиваясь ужами и суля золотые горы, точно отвергнутые любовники, молящие о втором шансе.

А сам предмет их страсти лишь хранил на лице свою загадочную улыбку. Он остановился под козырьком крыльца, сложил зонт и равнодушно наблюдал, как вода стекает с наконечника, оставляя мокрые пятна на досках. Затем он поднял веки и окинул их холодным, пронзительным взглядом.

— Я пригласил только Саймона. Остальные могут быть свободны.

Отказ был сухим и окончательным.

Представители издательств замерли, глядя друг на друга с неприкрытой обидой. Неужели он даже не выслушает предложения? Не сравнит цифры?

Саймон коротко кивнул.

— Издательство «Глория» не разочарует вас, — произнес он низким, уверенным голосом. — Мы обеспечим вам безопасность и покой. Вы сможете творить, не отвлекаясь на шум этого мира.

Это было обещание.

Ключ в замке повернулся с мягким щелчком. Лэнс уже собирался толкнуть дверь, когда Иден, не в силах сдержать разочарование, выкрикнул:

— Почему вы выбрали «Глорию»?! Он ведь даже не пытался вас уговорить! Неужели вы купились на громкое имя семьи Кэмпбелл?

Лэнс замер. Он медленно обернулся, перевел недоуменный взгляд с Саймона на шатена.

— Семья Кэмпбелл? — спросил он с искренним интересом. — А что, это какая-то известная фамилия?

Саймон: ...

Иден: ...

Остальные: ...

Теперь даже Саймон не понимал, что творится в голове у автора. Он не знал о Кэмпбеллах? Невероятная, почти вопиющая неосведомленность в «элементарных» вещах.

Но если дело не в титулах...

Рецензент не выдержал:

— Почему же вы выбрали нас?

Два десятка пар глаз впились в черноволосого мальчика. Этот вопрос мучил всех. Почему он выбрал самого нелюдимого, самого высокомерного человека, который даже не соизволил представиться первым? Не из-за красоты же лица, в самом деле!

Если Лэнс не даст логичного объяснения, они просто не смогут уйти с миром.

Юноша посмотрел на них как на неразумных детей, удивляясь, как можно не видеть очевидного.

— Потому что из всех вас только у него хватило ума взять зонт в дождливый день.

Остальные выглядели так, словно не способны даже спрятаться от ливня — не самый обнадеживающий признак интеллекта.

Разве не естественно хотеть работать с тем, кто обладает здравым смыслом?

Саймон: ...

Иден и компания: ...Черт.

Тишину разорвал тихий смешок.

Мужчина, которого многие считали лишенным мимических мышц, прикрыл рот рукой, но в его изумрудных глазах плескалось неприкрытое веселье.

Была ли эта причина взбалмошной? Несомненно.

Но капризы — это привилегия гениев. Говорят, у великих талантов всегда скверный характер и странная логика. Что ж, теперь он убедился в этом лично.

Под потрясенными взглядами коллег Саймон улыбнулся:

— Рад нашему сотрудничеству.

13 сентября

Изморось. В этот день профессиональный рецензент Саймон навсегда оставил позади серые будни, чтобы шагнуть в грандиозный мир, рожденный воображением Мальчика-ворона.

<http://bllate.org/book/15857/1435102>